

Откровенно

Моск. правда - 2002
4 апр. - с. 4

Великий ленивец Эдвард Радзинский

Наша беседа началась так. Эдвард Радзинский перехватил мой взгляд, остановившийся на полке с книгами, на корешках которых на различных языках - английском, немецком и французском - были выведены названия «Распутин», «Николай II», «Сталин», и, нарушая заранее составленный план интервью, я задал писателю вопрос:

- Эдвард Станиславович, почему ваши книги часто выходят сначала за рубежом, а потом в России, неужели западный читатель для вас важнее и ближе?

- Конечно, нет. Просто после того как книга выходит там, она еще некоторое время как бы отлеживается, я нахожу в ней какие-то неточности, что-то меняю в композиции, таким образом, у меня есть уникальная возможность дополнительной редакции, и в Россию приходит окончательный вариант. А не наоборот, как это бывает чаще всего. Кроме того, мне очень важна как бы некоторая всемирность книги, то есть возможность понять, что от нее получают читатели в мире. И радостно, что я могу вам долго перечислять все крупнейшие газеты мира, которые на нее откликнулись... И печально, что с рецензиями на русском дело обстоит сложнее. Хотя отрывки из «Распутина» напечатали многие наши авторские издания и книга долгое время занимала первую строку в списке бестселлеров, я не увидел ни одной серьезной аналитической статьи.

- Далеко не все, мне кажется, правильно понимают жанр ваших книг.

- Наверно, это так. Ведь мои книги - это не учебники по истории. Это биографии знаменитых людей, написанные писателем. Жизнь каждого из них таит множество загадок, которые я разгадываю, исходя из психологии героев, как и положено литератору. К примеру - почему Николай II в 1917 году, неоднократно предупрежденный о заговоре в столице, все-таки совершает непоправимое - отправляется на фронт, оставляя ее во власти заговора? После чего и начинается революция. Как расшифровываются его весьма спокойные записи в Дневнике в период начавшейся революционной бури? Что за этим - совершенное непонимание обстановки, обреченность? Или нечто другое? Да, ответы на эти вопросы - мои предположения. Но сделаны они на основании постижения характера последнего русского царя. А характер воссоздается на основании документов, автор которых прежде всего... сам царь! С отрочества до последних дней своей жизни Николай II вел Дневник. И в его Дневнике, который я постоянно цитирую, он сам проводит нас по своей жизни и помогает раскрыть многие тайны. Итак, не догадки, а документы диктуют содержание книг. И здесь литератор уступает место историку... И главное в моей трилогии «Николай», «Сталин», «Распутин» - это новые документы. Так, в «Распутине» приводится почти тысяча страниц доселе неизвестных документов, которые, надеюсь, покончат с уже успевшим укорениться у нас новым мифом о некоем святом старце Григории Распутине, который, оказывается, не пил, не насиловал, но вел святую жизнь и стал жертвой масонского заговора против Царской Семьи.

- Как происходит рождение нового текста, приоткройте вашу творческую лабораторию!

- Все эти истории записываю в режиме реального времени. Мой принцип - это vision. Я как бы провожу телевизионную съемку событий. И я вижу Александровский дворец, где жила Царская Семья, могу описать уставленную цветами комнату Александры, кабинет Николая и комнату наследника, иконы над его кроватью. Также, как хорошо помню план дворца в Версале, расположение комнат, лестниц, тайных ходов. Я вижу, как Людовик в своей знаменитой шляпе сидит за столом, напротив него Мольер. Они обедают. И поодаль толпятся придворные. Ибо абсолютизм - это великий театр, где все зрелище - еда короля, туалет короля... И оттого так много зеркал в Версале. И я вижу, как Людовик XVI один в своей знаменитой столярной мастерской стоит у окна и часами смотрит на двор в Версале. И такое в этом одиночество...

- Эдвард Станиславович, знаменитым вас сделал театр. Например, в конце 80-х годов только в Москве одновременно шли восемь ваших пьес. И думаю, многие до сих пор ломают головы над тем, почему вы из театра ушли. С чем же это было связано?

- Я решил прекратить заниматься театром, потому что политический театр себя изжил, а нового я не видел. То, к чему публика привыкла на сцене, была своего рода «гласность в темноте», когда собравшиеся в зрительном зале аплодисментами объяснялись в общей нелюбви к власти. Поэтому режиссеры от Ефремова и далее были настроены на то, что называлось гражданственностью, но эта самая гражданственность для искусства - только «дважды два четыре». И сейчас кажутся наивными почти все эти «острые пьесы», за которые закрывались театры и люди получали инфаркты. И мне казалось, что театр никогда не выпрыгнет из этой гражданственности. В этом меня убедила и постановка в начале перестройки в Театре Ермоловой моих «Спортивных сцен». Хотя спектакль имел, если вы помните, успех. В нем действительно замечательно играли Доронина, Догилева, Меньшиков и Павлов. Но я-то написал историю-притчу о том, как люди всю жизнь бегут по некоему кругу: на бегу любят, ненавидят, пытаются начать новую жизнь, а в итоге возвращаются все время к одному и тому же. И для этого был взят символ - бег трусцой. Во время этого непрерывного бега все в пьесе и происходило. Вместо этого зал смотрел политический спектакль о жизни советской элиты, в героине узнавал дочку Брежневца, радостно откликался на «острые реплики». Мне все это стало неинтересно, я понял, что пора, и ушел из театра, наверное, в разгар успеха...

- И через некоторое время вы стали телезвездой. С началом вашей работы на ОРТ связана, насколько мне известно, какая-то довольно забавная история.

- Я пришел на телевидение, когда там все были убеждены, что «говорящие головы» уже давно никто не слушает. В это время первый канал решил сделать передачу про мой театр: фрагменты спектаклей, потом мой монолог, потом монологи популярных актеров, занятых в моих постановках... Мы приступили к съемке, я сел перед камерой и часа три безостановочно говорил. А потом не оказалось большинства видеозаписей моих спектаклей. Ведь снимали спектакли - «на главную тему»... А мои пьесы, в которых играли Доронина, Гундарева, Джигарханян, Миронов, Дуров, Басилашвили, Ширвиндт, Шакуров, которые ставили Эфрос, Гончаров, Товстоногов, Виктюк, Фокин, Львов-Анохин, от этого направления были очень далеки. Так что пришлось им оставить мою «говорящую голову». Но оказалось, что это всем интересно. И с тех пор я на ТВ.

- Ваше телевизионное творчество, так же как и литературное, принципиально отличается от того, что делают в кадре ваши коллеги и конкуренты...

- То, чем я занимаюсь на телевидении - это импровизация, наедине с оператором, но на глазах миллионов. Если вы готовите речь к эфиру, это одно. Но чтобы импровизировать в кадре, нужно быть готовым внутренне. То есть приблизительно за два дня выключиться из жизни и стараться не думать о передаче. И при этом жить в каком-то особом мире. Ведь это передачи не об истории, но на примере различных исторических событий я рассказываю о руке Господней или о чертеже Господа внутри истории. И каждая моя передача пытается привести именно к этому. К Его присутствию.

- На канале ОРТ - ваш новый проект...

- Это телевизионный роман, точнее две его первых части. В пер-

вой, которая называется «Роковые минуты истории», в режиме реального времени, буквально по минутам, я рассказываю об агонии и смерти Екатерины II. Здесь - вся подлость вчерашних любимцев, падение прежних фаворитов и появление новых, мгновенное превращение «галантного дворца» с его постаревшими сановниками в молотую казарму, чистка «секретного кабинета» Екатерины - короче, все, что сопровождает смену власти. В фильме показаны подлинные документы, находившиеся в кабинете Екатерины, и некая знаменитая рукопись, которую будут читать и прятать все русские цари. Перед зрителем пройдет история немецкой девочки Фихтен, ставшей «матушкой-императрицей», и, может быть, единственная в своем роде история прелюбодеяния, рассказанная августейшей матерью своему сыну.

Во второй части фильма, объединенной с первой только героями, я впервые решил пожертвовать принципами своей передачи: встал со стула и вслед за загадочной княжной Таракановой проследовал в нецию, Рим, чтобы рассказать о том, что это такое XVIII век или, как называли его, - золотой век авантюристов. И решить наконец эту двухсотлетнюю загадку: кто была эта женщина, оставшаяся в нашей истории под именем, которое она никогда не носила, - княжна Тараканова.

- К княжне Таракановой вы явно не равнодушны. Идей фильма о ней загорелись еще несколько лет назад, пару раз упоминаете ее в книге про Бомарше, чем же она вам так симпатична?

- В ней есть тайна. Тараканова для меня - воплощение галантного века, века интриги и авантюры. Когда интригой была сама жизнь. Когда события, казавшиеся фантастическими в «Севиальском цирюльнике», становились реальностью в истории с алмазным ожерельем королевы Антуанетты. И я вполне мог бы сказать, что Бомарше строит жизнь как пьесу, да и различия между жизнью и пьесой не было... И никакой. И Тараканова, плоть от плоти XVIII века, захотела сделать реальностью несбыточное: не зная языка, никогда не быв в стране, решила стать российской императрицей. И вот этот потрясающий блеск времени он пленяет...

- В издательстве «Вагриус» вскоре выходит ваша книга о Наполеоне. Почему вы обратились к этой личности?

- Я всю жизнь мечтал написать о Наполеоне. Это была невероятная, фантастическая фигура. Вся эпоха дышала его воздухом - «мы все глядя в Наполеоны». После его смерти Байрон писал: «Наш жалкий мир лавочников освободился от ослепляющего кошмара его побед». Вся его история - мистика и тайна. Каждый чувствует, что за его историей скрывается НЕЧТО. Только никто не знает - ЧТО. Вот об этой тайне Наполеона я и писал. Наверное, это один из немногих людей в истории, имевший право сказать о себе: «Я презирал все, что не слава».

- А про себя могли бы вы так сказать!

- Я настолько погряз в своих планах, идеях, что какой-то реальной жизнью давно уже не живу. Самое интересное о меня происходит только на бумаге, а здесь в быту такая достаточно одинаковая жизнь... Хотя у меня очень много потребностей, но никак не доходят руки до их воплощения в реальность. Например, я очень люблю большие помещения - когда остаюсь в гостинице, обязательно выбираю большой номер, а в Москве живу в небольшой двухкомнатной квартире. Да и загородного дома у меня нет. Мне это в тягость, но предпринимать какие-то шаги, тратить время на приобретение всего этого не могу. Наверное, я являюсь самым ленивым по жизни человеком.

Александр СЛАВУЦКИЙ.